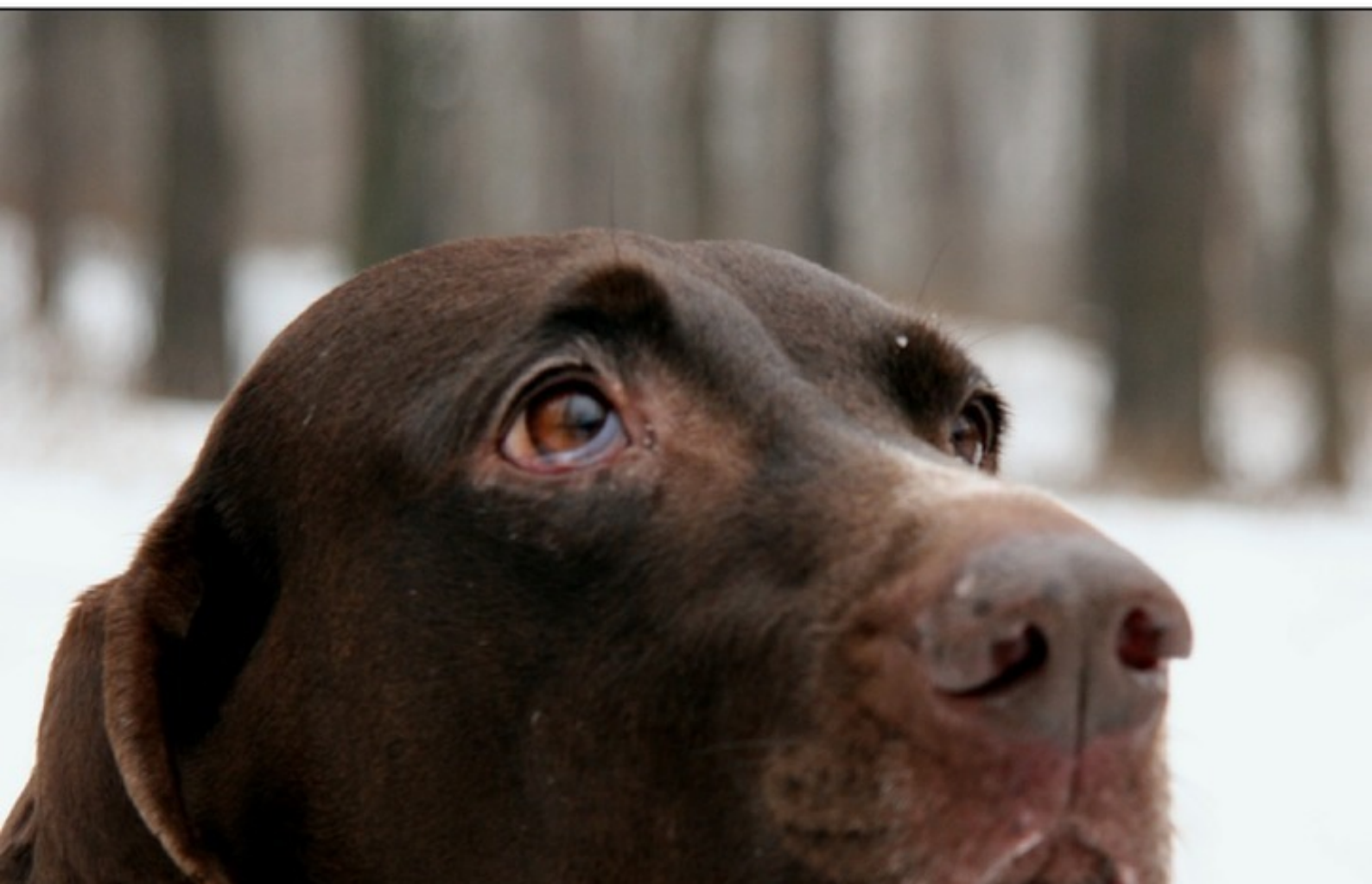

Владимир Фомичев

*Записки
старой
легавой*

Владимир Фомичев
Записки старой легавой

«Издательские решения»

Фомичев В. И.

Записки старой легавой / В. И. Фомичев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838609-1

Сборник рассказов разных лет. Слегка грустные, слегка смешные и немного хулиганские. Многие были номинированы на различные литературные премии.

ISBN 978-5-44-838609-1

© Фомичев В. И.
© Издательские решения

Содержание

Из сборника «Записки старой легавой суки»	6
Межсезонье	6
Ликбез для начинающих	9
О пище духовной и не очень	12
Мемуары от первого лица	14
Светский раут	17
Дневник юной охотницы	20
День первый	20
День второй	22
День третий	23
День четвертый и последующие семь. Нет – восемь	25
За жисть	26
Из цикла рассказов «Чарли. Страницы из жизни»	27
Пари	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Записки старой легавой

Владимир Иосифович Фомичев

© Владимир Иосифович Фомичев, 2017

ISBN 978-5-4483-8609-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Из сборника «Записки старой легавой суки»

Межсезонье

– Люсь, а Люсь! Гулять идешь?

– Не могу. Я чатюсь.

Голос пожилой спаниельки доносился из глубины хозяйской комнаты.

– О tempo! О tempo! Если не секрет, с кем в этот раз?

– Да ты его знаешь.

– Я многих твоих знаю. Который из них?

– Терминатор.

– Ну и кличка, обязывает...

– Сама знаешь, назвался груздем...

– Ну да ладно, я одна пройду.

Легавая небрежно, но с плохо скрываемой завистью, почесала за ухом и неторопливо затрусилась вдоль дачных заборов. Первая эсэмэска отчетливо читалась на столбе линии электропередач, вторая – на заднем колесе внедорожника зубного техника, далее – строго через один дачный участок. Разнообразием содержание посланий не баловало: все больше о еде и сексе. Охотничий сезон еще не начинался и сука да слепни по очереди донимали старую рабочую суку.

– Что за собак нынче заводят? Жрут за двоих, гадят за троих и не где-нибудь, а исключительно посреди улицы! – ворчала легавая, брезгливо обходя очередную «пехотную мину».

– Гавввв!!! Гавввв!!!! – раздалось из-за забора главбуха. Плюшевая болонка остервенело бросалась на сетку-рабицу. В ее глазах, круглых до геометрического неприличия, читалась извечная ненависть злобных карликов к великодушным великанам.

От неожиданности сука вздрогнула и попятилась:

– Тьфу ты, нечисть какая! Всего-то от силы полтора кило и все – сплошная вредность. Ишь, как ее распирает. Не ровен час обкакается...

Легавая демонстративно медленно присела напротив беснующегося зверька и тщательно выдавила капельку презрения на дорожную пыль.

– Интересно, до чего там Люси дочиталась? Глядишь, к зиме ошенился, старая блудница. А я все по старинке – через клубную сваху. Хочешь, не хочешь, а приходится доверять чужому вкусу. Noblesse oblige. Элита – это вам не хухры-мухры. А так хочется хоть раз по любви! Отвязаться по полной с каким-нибудь деревенским уродом, без клубного апломба, без много-томной родословной. Когда ее до конца дочитаешь, уже ни к какой романтике и не тянет.

Размечтавшись, легавая чуть было не прошла свой участок. По-хозяйски окинув взглядом знакомые до боли шесть соток, она прошла под навес к двум мискам.

– Опять овсянка. С фантазией у бабули большие проблемы. Хоть бы хозяин поскорей из города вернулся, вот тогда и будет праздник желудка – именины сердца.

Согнав с каши пару ленивых мух, сука формально ткнулась носом в центр гущи и попятилась назад.

– Никуда не денется. Повыпендривается чуток, да и вывалит в миску оставшуюся тушенку. Тогда и потрапезничаем. К чему весь этот спектакль? Не первый же день знакомы! А то еще и кусочки мяса мелко так порубит и в каше утопит. Замучаешься вылавливать. Жалуются, места мало в холодильнике. Так ты грудинку-то не прячь! На стол мечи! Что сама не раз-

жуешь, я, так и быть, помогу. Что стар, что млад – всему учить надо! Ну, да видать судьба у меня такая: я и за охранника и за наставника, и в поле, и на болоте. А у меня всего четыре ноги – чай, не сороконожка.

Легавая оглушительно облаяла зазевавшегося прохожего и сладко зевнула, явив миру розовую пасть с идеальным прикусом.

– От тебе неймется, подруга, – сделала замечание подошедшая Люська.

– «На то и щука в пруду, чтоб карась не дремал» – самодовольно усмехнулась пожилая охотница.

– Ой смотри... У двуногих специально для таких случаев статьи в УПК припасены: «Непреднамеренное убийство» или «Убийство по неосторожности», или еще какую отыщут. Как любил говаривать их знаменитый вожак: «Был бы человек, а статья найдется».

– Не дрейфь, Люсьен. У меня племянница родная в семье потомственных адвокатов проживает, отобьемся. Ее гулять специально обученные люди водят, чтоб не гавкнула лишнего. Ну, там тайны коммерческие какие, секреты клиентов, базу данных. Сама понимаешь: время нынче тревожное, миску без присмотра на пять минут оставить нельзя. Сожрут или плюнут.

– Во, во! И я говорю: рвать таких надо! – Люська изобразила страшное-престрашное лицо. Шерсть на холке зашевелилась, а хвост стал похож на чистилку для курительных трубок.

– погоди рвать. Сначала найти надо, – назидательно заметила легавая.

– Это мы на раз. Вытропим за милую душу. Главное след отыскать!

– След... У двуногих как какая пакость, так один след. На Кавказ!

– Ну, уж увольте. Моя знакомая однажды вытпропила кавказца на свою ж..пу. До сих пор ведущие кинологи породу определить не могут. Хозяйка не знает, в каком ринге выставляться.

– А как же родословная?

– Говорят: «В семье не без урода».

– Скорей бы на пенсию, все спокойней.

– Правда, Ваша, любушка. Лежи себе на диване, ешь от пуза и почаще прикидывайся больной.

Глаза подруг мечтательно закатились так глубоко, что закралось опасение за их благополучное возвращение.

Первой пришла в себя легавая.

– Ты особо губы-то не раскатывай. Поговаривают о продлении срока до выхода на покой.

– Вот изверги ненасытные! Капиталисты нехорошие!

– Да, раньше лучше о работниках заботились. Ну что ж, видно придется, как артистам, умирать на сцене.

– Не согласная я. Откошу по инвалидности.

– Какую такую хворь симулировать будешь? – легавая проявила страстную заинтересованность.

– Слабоумие! – торжественно объявила Люська.

– У тебя это получится, не сомневайся!

– А ты не ехидничай, Жванецкий-в-краве. Наши достоинства и недостатки много раз в выставочных листах запротоколированы. Так что плоскостопие или врожденный вывих тазобедренного сустава не прокатят. А голова, что ж, красивая, но... и так довольно часто бывает, того... слабенькая. Не перенесла шокотерапию и наводнение в Австралии! Один обвал Азиатской фондовой биржи чего стоит. Это, какие нервы надо-ть иметь? Вот крыша и поехала!

– У тебя, Люська не голова, а Дом Советов! Ишь, как придумала – не подкопаешься!

– Что ты, милочка. Ничегошеньки да я и не придумала. Я, ведь, слабоумная!

– Ну-ну. Выходи из образа. Не на медкомиссии.

– Тогда, мерси за комплимент. Тебе, кстати, о себе тоже подумать надо, не век же по болотам шастать!

- Твоя правда, убогонькая моя. Пойду прикину хвост к носу, гы, гы, гы.
- Иди, иди, крапленой счастье – ноги длинные, да ум короткий!

Ликбез для начинающих

– Зря, ты это делаешь, – обратилась с улыбкой пожилая легавая к молодому двор-терьеру. Она застала его в тот щекотливый момент, когда пес старательно закапывал пару здоровенных косточек в зарослях чертополоха.

– Да ладно, тетя. Я их добыл с риском для жизни. Стажил, можно сказать, прямо из-под носа продавщицы в сельпо. Было четыре. Две уже употребил. Больше не могу. А эти пусть полежат в укромном месте. На черный день. Ты же никому не скажешь? – и он подобострастно заглянул в карие глаза охотницы.

– Я-то – нет. Однако, зря стараешься. Пустое. Инфляция все одно сожрет. – И умудренная многолетним печальным опытом легавая затрусила прочь.

– Кто такая инфляция? – задумалась дворняга. – Что-то ее раньше не встречал. Сволочь, видать, редкостная. Да и кличка противная. Инфляция. Ветеринаркой пахивает.

Он аккуратно припорошил ямку землей и направился в деревню:

– Глядишь, еще чего-нибудь надыбаю. Сегодня – мой день.

На центральной и единственной улице ему повстречалась ватага взъерошенных сородищей. Они гордо тащили перепачканную растяжку «Долой коррупцию!» Шарик, как и все его соплеменники, был мало образован, но читать по слогам все же умел.

– Что еще за КОРРУЦИЯ? И почему ее ДОЛОЙ? – в его не слишком кривых извилинах рисовались попеременно образы угрюмого сторожа продуктового склада, плутоватого шерифа и сизоносого председателя местного самоуправления. – Надо порасспросить бывалую охотницу. Она в таких кругах вращается, что обязательно что-нибудь да слышала про это страшное слово.

Бежать к дачам было далековато, и Шарик решил на всякий случай поинтересоваться у единоверцев.

– Братцы, а кто такая КОРРУЦИЯ?

– Тебе не все равно? – весело огрызнулись братья по крови. – Присоединяйся. Обещали по куску ливерной за час тусовки.

– Шут его знает, чем все это может кончиться, – здраво рассудил Шарик. – Не охота погибнуть в самом расцвете сил, да еще и с такими запасами, как у меня.

И он направился в сторону образованной знакомой.

Легавая мирно дремала на китайской раскладушке посередине участка. Расположение наблюдательного пункта было выбрано не случайно: и калитка просматривалась и мимо не прошмыгнуть.

– Уважаемая, – обратился игнорабус, – просвети, будь ласка, что за зверь такой «КОРРУЦИЯ»?

– Коррупция, мил человек, суть порождение бюрократического устройства пищевой цепочки, когда дабы получить дармовой жирный кусок, необходимо отблагодарить «руку дающую». Короче, дать взятку.

– А попроще? – опешил от непонятной, и поэтому пугающей дефиниции Шарик

– Иными словами, дать в лапу.

– Ааа. Это мы разумеем, – успокоился кобель.

Выражения: дать в морду, дать дуба, дать стрекача были ему хорошо знакомы.

– Благодарствуем, – пролебезил на ходу Шарик.

Ноги уже несли его в сторону запыленного райцентра.

Не прошло и часа, как он переминался с лапы на лапу у ворот небольшой кондитерской фабрики.

Охранял объект лохматый метис кавказской овчарки с чем-то неопределенным.

– Тебе чего? – прорычал одуревший от жары и блох сторож.

– Мне бы к складу готовой продукции

– На сладкое потянуло? – ехидно спросил бастард, – а пропуск у тебя есть?

– Имеется, – Шарик многозначительно протянул захваченную с собой костомеху.

– Молодец! Догадливый. А то у меня от сладкого кариес развился. Приятно иметь дело с такими партнерами. Проходи. Только не мешкай. С минуту на минуту Сам нагрянуть может. Ревизия на носу. Дело нешуточное... Не маленький, понимать должен.

– Да я мухой.

Через пару минут юный предприниматель уже тащил в сторону чертополоха увесистую сумку.

– Коррупция – вещь полезная, – рассуждал довольный пес, закапывая добычу поглубже.

Последующие за памятным событием дни пес посвятил шумным деревенским шествиям: и «За инновации», и «За стабильность», и «За выборы», и «За перевыборы», и «За сохранение лесных угодий», и «За увеличение лесозаготовок».

Он не особо вдавался в смысл требований, но исправно получал свою пайку ливера и оставался премного доволен проснувшимся общественным сознанием.

– Кто сказал, что плохо жить в эпоху перемен? – облизывался новоиспеченный ситуайен. – Коли с умом подойти, можно неплохо трудоустроиться.

Однако митинги вскоре закончились. Видимо, сказался извечный дефицит колбасы. Стая дворняг загрузила и вернулась к набегам на опостылевшие помойки.

Домовитый Шарик решил распечатать свою заначку.

– Ничего, ничего. Если аккуратно расходовать, надолго хватит. Все лучше, чем с голодранцами за объедки воевать.

А вот и заветные заросли. Пес настороженно огляделся. Никого. Быстренько пару раз копнул. Показался краешек заветного пакета. Шарик потянул зубами и извлек содержимое на свет. Ба! На дне сиротливо отсвечивала дочиста обглоданная кость в компании нескольких слипшихся карамелек.

Обескураженная дворняга аж взвизгнула от возмущения.

– Что за жизнь собачья! Ничего оставить нельзя без присмотра. Воистину, край воров и жуликов! – и он бросился к знакомой легавой.

Мадам возлежала там же и в той же позе.

– Ну, что в этот раз, юноша, вас интересует?

– Меня «интересует», кто сожрал мои припасы, – начала возбужденная жертва вероломства. – Никто, кроме нас двоих, не знал, где я прикопал свой провиант.

– А я предупреждала: «Инфляция». Кстати, французы говорят: «Что знают двое, знает свинья», – увернулась от обвинений высокомерная легавая.

– Понял. Не дурак, – оскалился лишенец. – Встречу Пятачка, ужо начищу ему рыло! Бывай. И Шарик опрометью бросился к схрону, здраво рассудив, что остатки лучше, чем ничего.

Растерзанный пакет виновато подрагивал на ветру беспомощными лохмотьями. Точь-в-точь жертва маньяка-наильника.

– Да что же это твориться?! И пяти минут не прошло! – возопил от возмущения голодный пес.

– А это, Шарик, называется ДЕФОЛТ! Или – ДЫМ БОЛТ! Как тебе больше нравится, – прозвучал ехидный голос откуда-то сверху. – Крррасавчик...

Шарик медленно тащился по разбитой проселочной дороге. Живот подвело. От голода звенело в ушах. Вспомнился плакат в заброшенном сельском клубе. На нем бывший вожак двуногих с характерным прищуром вглядывался в самую душу посетителей и наказывал поднятым перстом: «Учиться, учиться и учиться!».

О пище духовной и не очень

– Сухой буду, говядину тащит! Не меньше двух кило. Куда ему столько? Вон зад какой отстратил. Аж заносит. Розу ветров сбивает.

Дневной зной скрылся за мачтами уцелевших после пожара сосен. Порхающая мелочь оставила тенистые шхеры ради хлеба насущного.

Пара охотничьих сук лениво следила за жизнью по «ту» сторону забора. Иногда они оживлялись, заметив, к примеру, дачника с большой хозяйственной сумкой.

– Давай, ты зайдешь спереди и как рявкнешь! Он сумку-то и выронит.

– Ну...

– Что ну? Кто ж потом из пыли дорожной, описанной поколениями графоманов (и не только), куски подбирать станет?

– Этот, Люська, станет. Я его знаю. Все вокруг раз по сто жен повыгоняли-переженились, а энтог все с одной, все с одной. Подберет – не побрезгует.

– Плохо. Ну да ладно – будем ждать. Может, какой пьяненький колбасу обронит или так угостит.

– Запросто. Они как выпьют – добреют и поболтать тянет. А кому душу-то излить?

– Жене?

– Ну, ты, Люська, и ляпнешь! Кто ж супруге сокровенное откроет? Про соседку, про тещу... Не-е, Люська, здесь нужен посторонний, но терпеливый собеседник. Желательно немой и с больной печенью. Лучше чужой собаки и не придумаешь. Сядешь напротив бедолаги, помотришь в его слезливые глаза с пониманием, с участием, и – колбаса гарантированно твоя.

– Клево! А мой, подруга, непьющий...

– Да знаю я. Беда. Но родителей, Люсьен, как и спонсоров, не выбирают.

– А какая, Люсьен, нынче ситуация на рынке труда?

– Наиболее востребованы собаки аппортирующие и охранники.

– А что легавые уже никому не нужны?

– Толку-то от вас, уж ты не обессудь. Первые полдня ищите, а вторые – с подранком в салки гоняете. Убыток один.

– Так мы не для материальных благ, а для забавы. Не все в рот тащить, есть пища и духовная...

– Вот ты ее у бабули на ужин и закажи... Гостей только не приглашай, не надо...

– А ты какие, Люся, стихи любишь?

– Кулинарные.

– Например?

– Съела муха все варенье...

– Гадить ей до воскресенья.

– Зато сытая. А вам, мадам, какие вирши на ум приходят под шум дождя?

– Я помню чудное мгновенье...

– Явилась баночка варенья, – и Люська так вкусно облизнулась, что легавая сглотнула.

– Выходит, Люси, о чем бы мы ни рассуждали, все к еде возвращаемся. М-да, материя первична. А жаль...

За оставшееся дежурство никто более-менее достойный не нарисовался.

Лишь под занавес уходящего дня подруги обратили внимание на одинокого прохожего.

– Наш клиент.

Сутулый мужчина, загребая ногами, брел в сторону заката. За плечами армейский рюкзачок, а в нем многообещающе позвякивало.

Люська пролезла под забором и улеглась посреди дороги, тихонько подвывая.

– Грустишь? – прохожий огладил псинку. – Красивая.

Через минуту другую они сидели под старой черемухой, и мужчина неловко доставал содержимое.

На свет появилась початая бутылка и надкушенный ломоть «черняшки».

– Чем богаты, – он запрокинул голову, а хлеб отдал собачке.

Люська покосилась на рюкзак – в нем явно было что-то еще.

– Это Мандельштам. Послушай.

Солнечный диск исчез в бездонной копилке времени.

Друзья, ведь они были уже друзьями, не заметили, как к ним присоединилась легава.

Мемуары от первого лица

– Привет, подруги! Я тут оставлял рукопись на редактуру. Вот зашел узнать, как продвигается дело, – Шарик, не спрашиваясь, просочился в калитку, сел в хозяйский шезлонг и закинул ногу на ногу.

От такой наглости спаниель Люська подавилась вишневой косточкой и принялась судорожно глотать вечерний воздух.

Удар мощной лапы промеж лопаток вернул ее к жизни.

– Мерси, – выдохнула Люська сквозь слезы, – этот урод доведет таки меня до кондрашки.

– Право, Люсьен, выбирай выражения, – укорила легавая спасительница. – Гость, все же...

– Вижу, что не Санта Клаус, – Люська с трудом отдышалась. – Щас я ему откорректирую рукопись. Эй ты, Дюма-отец, видел когда-нибудь литер ЗЮ? Нет? Через пять минут можешь посмотреться в зеркало!

Небрежно повязанный бант на шее борзописца сник, словно колокольчик в жару, с лица исчезло выражение снисходительного пофигизма, Шарик привстал и попятился к выходу.

– Если еще не успели, так мы не в претензиях. Можем и в другой раз зайти.

– Отчего же в другой, хорошо и в этот, – спаниель, покачивая бедрами, приближалась к незадачливому прозаику. Ее мягкая походка и улыбка во все лицо могли обмануть кого угодно, только не дворнягу. Ему вдруг ужасно захотелось бежать, куда глаза глядят, сломя голову, как в детстве от приближающейся грозы. Но ноги его не слушались – они стали ватными. Лапы приклеились к влажному чернозему, словно муха к свежему повидлу. Бедолага пытался было отвести глаза от пронзительного взора волоокой охотницы, но тщетно!

Если бы не решительное вмешательство сердобольной легавой, участь начинающего литератора могла оставить незаживающую рану в чувствительных душах пьющих дачников.

– Полноте, Люси, не уподобляйся оголтелым критикам. Вспомни: «Души прекрасные порывы...»

– Во-во. Именно это я и вспомнила, – передние лапы спаниельки методично сжимались и разжимались, будто она одновременно качала обе кистевыми экспандерами. – Страсть как люблю дебютантов.

В этот критический момент раздался оглушительный хлопок заведенного, наконец, старенького «Запорожца», и подруги обернулись в сторону истеричного фальцета. Привычка охотниц реагировать на выстрел сохранила молодой талант для благодарных потомков. Шарик очнулся и опрометью выбежал на улицу.

– Ну, что же вы, Шарик, так рано покидаете нас. Мы даже не успели обсудить вашу рукопись, – легавая была сама предупредительность. – Не робейте, проходите. Люсьен более на вас не дуется. Правда, Люсьен?

Спаниель благосклонно качнула головой и выразительно посмотрела на дворнягу. Ее жест можно было трактовать по-всякому: от «добро пожаловать» до «у меня хорошая память».

– Экзекуция откладывается, – понял Шарик и немного успокоился. – Разве что ненадолго...

Литературный кружок расположился на открытой веранде, стилизованной под архитектуру чеховских чтений. Хозяйка водрузила на стол самовар-медалист, корзинку с баранками и вазочку со злосчастливым вишневым вареньем.

– Ну-с, приступим, – легавая водрузила на нос очки в черепаховой оправе. – Мы внимательно ознакомились с вашей рукописью, и вот что хотелось бы отметить:

Во-первых, название сего творения вполне конкретное: «Мемуары от первого лица», а правдивые факты вашей насыщенной биографии ограничиваются фразой «родителей я не помню». Далее идет сплошной литературный вымысел.

Шарик:

– Приведите примеры, плиз.

Легавая:

– Извольте. Взять хотя бы «... первую золотую медаль я получил на выставке в Санкт-Петербурге, штат Колорадо...».

Шарик:

– И что же вас здесь смущает?

Легавая:

– Административная принадлежность упомянутого города.

Шарик:

– И?

Легавая:

– Наша многострадальная Родина до такого счастья еще не дожила.

Шарик:

– Мелочи. Дело не за горами.

Легавая:

– Или вот еще «... моя первая жена – гончая, урожденная чихуаухуа...»

Шарик:

– Ну и чем вам моя хуняшечка не угодила?

Легавая:

– Мы ничего против миниатюрных собак не имеем, но эта порода – декоративная и зверей НЕ гоняет.

Шарик:

– Позволю с вами не согласиться: моя, хоть, и крошечная была, а гоняла меня, аки зверь лютый. Земля ей пухом – упарилась.

Легавая:

– Ну, хорошо. В третьей главе вы упоминаете: «...от деревенского охотника разило декадентским коньяком и дорогими кубинскими сигарами...»

Шарик:

– Я патриот и не переносу иностранщину.

Легавая:

– И мы за российские березки, но где вы видели «деревенского охотника», смакующего французский коньяк под «гавану»?

Шарик:

– Это – гротеск. Профессиональный прием-с.

Люська не выдержала подобного издевательства:

– Слушай, графоман блохастый, на каком-таком закате ты «...наблюдал облака цвета ливера»?

Шарик (невозмутимо):

– Во сне. Вкусная метафора. Для посвященных.

Люська аж заскрипела зубами от гнева:

– Нет. Он меня доконает!

Шарик:

– Не разделяю вашего смущения. Вот у Владим Владимировича Маяковского, например, облако и вовсе «в штанах».

Сраженная *таким* аргументом Люська забилась в истерике. Она каталась по цветочной клумбе, давая коллекционные лилии и пионы. Даже искушенная в литературных диспутах легавая не нашлась, что возразить наглому дарованию.

– Этот раунд за мной, – решил довольный Шарик и с достоинством покинул обескураженных подруг.

На следующий день к нему подошел Тузик и спросил:

– Ты не в курсах, чё там случилось с нашими подругами с писательского участка?

– А в чем, собственно, дело?

– Да я сегодня дважды проходил мимо, так они весь день сиднями сидят под навесом, обложились горами книг, еда не тронута. Будто не в себе.

– Волшебная сила искусства, братан. Страшная штука. Так-с...

Светский раут

- Алло. Люсьен?
– Мда. У аппарата, – спаниелька приподняла бровь и поджала губки.
– Что так официально? – поинтересовалась подруга.
– Ах, это ты, – Люська притворно вздохнула, – да понимаешь, звонят тут всякие оболтусы, от дела отрывают.
– Кто ж такие?
– Ну, Шарика там, Тузики...
– А Терминатор?
– Он, – шерсть на Люськиной холке вздыбилась, – он прислал эсэмэску, мол, жутко занят, дел по горло, приехать не могу.
– Причина, Люсьен, вполне уважительная. Сама знаешь: у мужчин работа на первом месте.
– Знаем мы эту работу, – Люська покрутила свободной лапой в воздухе, причем средний палец неприлично оттопырился. – Все врет. Собака!
– А производил вполне приличное впечатление.
– Все они одинаковые. Одно слово – кобели.
Обе вздохнули в этот раз вполне искренне.
- От каких дел тебя отрывают, позволь поинтересоваться?
– Да это я так, для красного словца. Дела... Какие могут быть дела до официального открытия охотничьего сезона? Раньше хоть разок-другой с хозяином браконьерить удавалось, а сейчас, – Люська сконстролила трагическую гримасу – рассаду охраняю, сто лет она нужна...
– Как я тебя понимаю, – соврала легавая (ее хозяин покупал рассаду по дороге).
– А что, есть предложения? – Люська, не будь дурой, учуяла-таки подвох.
– Да не то что бы нечто конкретное, – чертила ногтем по дорожке подруга, – просто, думала, посидим, музыку послушаем...
– Врет старая, – определилась Люська. – Статистка нужна, мужскую компанию разбавить. А то мы все такие интеллигентные... Одной с несколькими ухажерами – не комильфо. Эх, знали бы они...
Но вслух сказала:
– Я в растерянности: на кого помидоры несовершеннолетние оставить? Разве что на полчаса...
– Буду ждать к семи. Просьба, не опаздывать, – легавая с удовлетворением отключилась. – «Дела» у нее... Небось, Шарика высматривает, – и театрально запричитала: «Ой, да все очи высмотрела! Глазки да выплакала!»
– Не бойсь – не опоздаю! – буркнула спаниель в немой телефон. – Кого интересно кокотка старая в этот раз подцепила? Уж, вроде, я всех знаю...

Люська боролась с желанием прийти пораньше:

– Можно за углом покрутиться – мол, так, погулять вышла и пропасти новых гостей.

– Алло. Люсьен? – легавая тоже не первый день кукурузу охраняла.

– Я, – притворно запыхавшись.

– Заходи, как освободишься. Гости уже у меня.

– Ну, сука... – поперхнулась Люська, – не даром – легавая.

Откашлялась, и в трубку: «Хорошо, хорошо. Как только, так сразу».

Наведя наскоро марафет, спаниель помчалась к знакомому участку. Не добежав пару метров, она притормозила. Люська изо всех сил пыталась идти медленно, с отсутствующим взглядом. Но непокорные глаза упрямо косили в сторону гостеприимного навеса, а ноги сбивались с шага на рысь.

– Знакомьтесь, Люсьен. Это мадам Фэтти и ее сын Чарльз Стронгхед Второй, – легавая была сама воспитанность.

– Опля! – опешила подруга (на принесенных из Большого дома пуфиках восседало чопорное семейство неаполитано). – Нам еще педофилии в кооперативе не хватало. Впрочем, может папашка подтянется...

– Очень приятно. Чудесный вечер, не правда ли?

Два пригорка мышиного цвета согласно кивнули.

– А мы как раз перекусить собирались, – сказала легавая и с достоинством удалилась на кухню.

– Такой щенок коромысло перекусит – не поперхнется, – Люська внимательно, насколько позволяли правила хорошего тона, оценила экстерьер переростка. – Может,ждемся вашего супруга?

– Они, Чарльз Стронгхед Первый, сегодня не будут, – прокашляла мадам. – Они защищают клубные цвета за океаном. Очень престижное мероприятие.

– О, да. Мы понимаем, – выжала из себя последнюю каплю вежливости Люсьен, а про себя твердо решила побороться с подругой за номером два: «Ну не жучила? Ведь наверняка знала, что итальянцы выступают не полным составом».

Хозяйка подала холодную телятину, макароны и канapé Pedigree. Тарелки гостей больше походили на тазики для ополаскивания белья.

– Они и есть, – безошибочно определила дачница-спаниель.

Неторопливый ужин плавно перешел в светскую беседу.

– Щас начнет заливать, как они с хозяином на медведя ходили, – волновалась Люська, – и тогда пиши пропало – уведет красавчика. Надо работать на опережение:

– Скажите, молодой человек, а вам доводилось в потемках на кладбище секача зубами рвать? Нет? – притворно удивилась Люська. – А раненному в пах лосю права зачитывать? Не может быть. Такой brutalный мачо... А волчьей стае дать ложную наколку на колхозное стадо баранов? Ах, не поверю...

Фэтти подобрала ноги, а у отпрыска непроизвольно отвисла челюсть.

– Лишь бы не описался, – Люську конкретно понесло:

– А в Африку на сафари ездили? Мы как-то раз с напарником, он впервые забыл швейцару «на чай» подать, на радостях в Кению завалились. Ну, там негры всякие, страусы, папуасы... А главное: львы и носороги. Вышла я, значит, вечером за бивуак подышать и пофилософствовать, ну, вы понимаете, а заодно и в ручье искупаться. Сняла ошейник, он у меня жутко дорогой: кожа крокодила, стразы, именная пряжка белого золота, повесила на сук и бултых в джакузи природную. Поплескалась с бегемотиками средних размеров, выхожу – хватать! ошейника-то и след простыл. Ну, думаю, папуасы голожопые, уж я вам наподдам! Они, как наши сороки, не могут мимо блестящего пройди равнодушно. В лагерь вернулась, хозяину стукнула: мол, тырят дети саван, спиной не поворачивайся. А он у меня, подруга не даст соврать, жуть какой крутой да вспыльчивый. Такой шмон учинил, что аборигены все похищенное со дня национализации заповедника добровольно сдали. Один СВОЁ из дома принес! Сублимированный детородный орган родоначальника племени. Реликвия! Понимать надо.

Ага, значит. Ну, нам чужой хрен ни к чему...

– Ты, Люсьен, ближе к ошейнику, – только и сумела встрянуть легавая.

– Не брали, дети размалеванные. Я рог черного носорога за сук впотьмах приняла.

Хорошо не

– Люсьен! – взмолилась хозяйка.

– Вернул? – мадам с этого момента уже заинтересовано.

– А куда он денется. Простила. На большую семью разжалобил. В качестве компенсации слоновью лежку сдал, – Люська выдохнула. – А еще случай был в горах Алатау...

– Люсьен, поздно. Гостям пора домой – у мальчика режим.

– Да я, да мы – начал, было, недоросль, – правда, мама? Мама! Правда?

Фэтти с трудом очнулась от наваждения, спровоцированного образом брюнета-рогоносца:

– Да, уж. – И добавила, – в следующий раз. Приходите к нам завтра.

Семья неаполитано чинно удалилась. Сынок, правда, явно без желания: у него перед глазами маячил образ миниатюрной охотницы с развевающимися ушами и ТАКИМ взрослым взглядом.

– Совсем они в этой Африке заелись, – негодовала мамаша. – Изменять ТАКОМУ серьезному джентльмену!

Довольная Люська возвращалась по центральной улице в приподнятом настроении:

– Пусть ни себе ни людям. Зато – поровну!

Дневник юной охотницы

День первый

Позвольте представиться: Сьюзи, или Сюзана, как вам больше нравится, немецкая короткошерстная легавая (курцхаар, по-нашему), четвертого мая исполняется год (первый, заметьте). Происхождение описывать не стану (из скромности), москвичка, незамужем, без вредных привычек (с моей точки зрения). Квартира отдельная, иномарка, дачка какая-никакая, хозяин – какой-никакой. Еще у меня есть двоюродная бабушка – Фани, но она уже старенькая, хотя при кобелях молодеет на глазах. Подруга, ретривер, закадычная, но с гипертрофированными частнособственническими инстинктами (вроде из приличной семьи...). Уйма вздыхателей и спарринг-партнеров: всякие риджи, черные терьеры, грейхунды, овчарки, лайки, лоси (два), и мелочь без счету. Питаюсь с рынка, исключительно от дяди Толи (кличка «хохол») – говядина у него нежная и постная (под заказ).

Иногда, ссылаясь на временные финансовые трудности, хозяин пытается накормить меня рыбой. Если накануне он вел себя хорошо, то могу ему потрафить. Но не часто – не то возьмет в привычку. Телевизор смотрю редко, в основном телеканалы «Охота и рыбалка» и «Animal Planet». Владею двумя языками в совершенстве – русский, английский; облаять могу на многих. Выгляжу... ну, как я выгляжу? Если зеркала не врут, то – сногшибательно. Хозяину все завидуют. Думается, он специально такую красивую завел, чтобы самому не потеряться в толпе сереньких мужичков – пытается с моей помощью решить проблемы своей личной жизни. А какая у него жизнь-то? Развел, понимаешь, курятник, а справляться возраст не позволяет. Ну, да мы не о нем.

Вчера, с самого утра, я почувствовала нечто неладное: Сам весь из себя нервный, дерганный, бормочет и курит невпопад. И сумка. Главное – сумка. Большая, камуфлированная, с множеством интереснейших предметов. Посреди комнаты. Когда он трижды об нее споткнулся и не убрал, я поняла, что она в кладовку не вернется, а Сам боится ее позабыть. Чудак, ей Богу. Успех любого мероприятия – НЕ ЗАБЫТЬ МЕНЯ! Впрочем, я и сама о себе напомню – не заржавеет.

Странности продолжались весь день: чего стоят хотя бы три подозрительного вида консервные банки с аватаром в виде коровьей головы. Прежде подобное затрапезное в нашем доме никогда не водилось. Мне рассказывала одна Жучка, что в такой таре хранят по многу лет вареное мясо. Спрашивается: а к чему его беречь-то? Продукт хорош, пока свеж. Как и суки, да простит меня баба Фани.

Дальше больше: хозяин переругался со всеми, с кем только мог и, помолясь, запихнул нас в машину, а ночь уже, хвалилась звездами и сулила морозное утро.

Ехали быстро, но долго. Так долго, что мне надоело, и я закатила небольшую истерику – пусть понервничает, зато не уснет за рулем.

Наконец показались знакомые очертания садового кооператива. Не может быть! Неужели мы приехали на дачу? Вот это да. И никого. И ни души. И тихо-то как... Мы хоть и городские, а шум не любим. Шум, он либо от плохого воспитания, либо от бедности.

Воздух... Воздух на хлеб намазывать можно. Эх, развернусь-разгуляюсь! Пока Сам электрошейник сыщет, я в точку расту.

Вернулась к ужину, точнее – к завтраку. На удивление орал недолго, а поймать-отлупить и не пытался – взрослеет.

До вечера хлопотала по участку: где прошлогоднее перышко завалилось, где кость переживовала, а уж шишек и вовсе не счесть. Поверите – на еду времени не остается. А еще имущество сторожить, за улицей приглядывать. И на все про все я одна! Бабуля не в счет – на заслуженном отдыхе. А мне до пенсии начать и кончить. Плюс трудовой стаж продлили. Теперь не успел от титьки оторваться – иди, работай. Как на выставку появиться, ума не приложу: кости торчат, как у клячи водовозной, грудная клетка – доска стиральная, глаза впали и мерцают голодным блеском, будто светлячки.

Ближе к закату подались на поляну, за околицу. По документам выходило, что лесной кулик, вальдшнеп (судя по фамилии, мой соотечественник), с югов возвращаться должен был. Подобало встретить-приветить. Вместо привычного в этих местах каравая с солью, хозяин приготовил десяток патронов. Видимо, для салюта в честь переселенцев.

Вечер был теплым, компания душевная: пару местных аборигенов с водкой и бомжеватыми дратхаарами¹ (мои ближайшие родственники). От выпивки я отказалась, а местным сукам продемонстрировала столичный лоск и американский чудо-ошейник. Они заскулили от стали клянчить поносить. Обещала. За это они нам сдали два хлебных на перепелов поля и три вальдшнепиные полянки. Можно было с них еще и кабанью лежку вытребовать, да свинину я вообще не ем, а хозяин – третий год как.

До наступления тьмы крошечной Сам пару раз стрельнул и порадовал двумя отменными долгоносиками². Хотела было подать ему – порадовать – да вмешалась бабуля. Слепая-глухая, а норовит трофей перехватить – выслужиться. Пока мы с ней кулика в разные стороны тягали, хозяин поспел и отнял.

Деревенские на пятерых (включая собакинов) смогли похвастаться лишь одним тощим куликом, умершим своею смертью от радости свидания с Родиной. Мы тактично промолчали, обронив на прощание, что, мол, для вас и это – большая победа.

Дома меня ждали холодная телятина с гурьевской кашей, кракле и булочка с маком. Старушка ограничилась овсянкой и поглаживанием по головке.

Пока хозяин мельтешил с дровами для камина и печи, мы успели посмотреть выпуск новостей и субботний концерт с участием бесполох артистов, наперебой корчащих из себя секс-символов различных эпох.

Добралась до кровати далеко за полночь, укрылась верблюжьим одеялом и обложилась с боков телами бабули и хозяина.

Спала, как убитая – умаялась.

¹ Дратхаар – немецкая жесткошерстная легавая (прим. автора).

² Долгоносики – простонародное название вальдшнепов (прим. автора).

День второй

Ни свет, ни заря потащились на болота. Удовольствие, я вам скажу, ниже среднего. Во-первых, холодно, во-вторых, мокро, и, наконец, жутко опасно. Плавать я еще не научилась, а ледяной панцирь местами тоньше чизбургера. Вот она цена хозяйской любви – за очень сомнительную перспективу обрести полтора кило птичьего гриппа рискует здоровьем и даже жизнью элитного щенка. Ну, да Бог ему судья. Я честно облазила простуженные камыши, и, как полагается, ничего не нашла (какая же дура в таком месте прятаться станет?).

Мы двинули в обратный путь навстречу с телевизором и миской. Не доходя метров триста до печки, Сам неожиданно пальнул у меня над ухом из двенадцатого, между прочим, калибра. Как он потом оправдывался: для проверки щенка (это я-то?) на страх перед выстрелом. Бабуле наплевать – она туга на ухо, а мне каково? Ему бы так за дверью туалета пальнуть из гранатомета, посмотрела бы на его реакцию. Однако я и глазом не моргнула, будто выросла под бомбежками. Хозяин оценил, но сыром не угостил – припомню.

Пришли. Доела остатки вчерашнего – свежего не сварил. И этот позорный факт ему зачтется – еще не вечер.

Пока наш графоман изображал из себя дачника, я перевоплощалась то в трудолюбивую таксу, то в сторожевую овчарку. В результате шесть соток стали походить на обезвреженное минное поле, а редкие птицы, шараясь, облетали участок далеко стороной.

Одинокий пес на дальнем кордоне первое время вторил мне прокуренным басом, но быстро скис и трусливо умолк.

На вечернюю зорьку местные Сусанины предложили поехать в другое место в надежде обстрелять моего папашу. Фантазеры.

Похолодало. Промозглый ветерок искал любую щель, дабы выдуть охотничью дурь из наших трепетных душ. В такое ненастье уважающий себя вальдшнеп «налево» не ходит. Оставалась надежда на самых озабоченных или тех, кто не слышал метеопрогноз.

Мой коронный фирменный ошейник украсил заросшую шею трехлетней дратхааршпы по имени Чара (она с остервенением бросалась под любой выстрел, и владелец возжелал прочить чересчур ретивого питомца). Ее упитанная подруга, не отрывая глаз, смотрела на заморское чудо (ошейник действительно хорош) и явно вынашивала план мести.

Новое поле отличалось от прежнего и по величине, и по открытости. Встали лицом к лесу хвостом к дороге. Минут через несколько мне это занятие порядком надоело. Я – ищейка, а не памятник собаке академика Павлова, тем более что пенитенциарное ожерелье украшало чужую грудь.

Положенное до кромешной темноты время я носилась, как угорелая, а сотоварищи мерзли и боялись меня потерять.

В результате хозяин проворонил двух вальдшнепов, которые, не будь дураками, тянули молча, стиснув клювы. Выместить свой гнев на моей костлявой заднице папаше не удавалось: как ни манил, я не входила в зону досягаемости сапога-заброя.

От позора его спасло отсутствие трофеев у невеселых компаньонов.

Тоску умирающего дня развеяла драка подруг-дратхаарш из-за моего ошейника. Чара билась за девайс как за свой! и в результате откусила товарке кончик уха.

Это событие отвлекло хозяина настолько, что он позабыл (или простил?) мои недавние шалости.

Возвращались молча. Каждый переживал о своем.

Рутинный ужин, те же физиономии на экране телевизора, знакомые кости под одеялом.

«Пусть тебе приснится роща золотая...»

День третий

Будильник прозвонил в 4.40 а.м. Мне это перестает нравиться. Неужели для свиданий нельзя выбрать более поздние часы? Ну, я понимаю еще вечером: закат, полутени, шорохи, то да се... А спозаранку-то с какого перепуга метать стрелы Амура? О, как! Стихами заговорила. Воистину, с кем поведешься... Легче, Сьюзи, легче – так и до морального разложения рукой подать. А там вино, табак, легкомысленная музыка, порочащие связи...

Мой глаза прикрыл, ладошки под подушку – может, пронесет?

Тик-так, тик-так...

Зашевелился. От упрямый! Пошла будить бабулю.

Вы когда-нибудь ходили след в след? Будто индейцы на тропе войны? Нет? Тогда вы меня не поймете. Объясняю: первым идет Сам, за ним трусит бабуля, я прикрываю тыл. А на болотах хлама... И человеки, и бобры, и ураганы сделали все, что могли, дабы затруднить наше передвижение. Ступать надобно тихо, по возможности бесшумно, иначе спугнешь амурные ожидания плоскоклювых.

У самой помойки потревожили-таки влюбленную парочку кряковых уток. Первой под выстрел жених пропустил невесту (все мужики одинаковые). Но Мой-то – боец бывалый (пробу ставить некуда) – палить не стал. И правильно: глядишь, девица обабится да и принесет к осени выводок горластых ластоногих.

«Джентльмена» также не тронули. А зря! Уж я бы ему всыпала по первое число за всех обманутых и недолюбленных.

Затем хозяин полчаса с перекурами изображал из себя тоскующую кряковую вдовушку, потерявшую всяческий стыд и срам (проникновенно дул в манок). Я с удивлением наблюдала за театром одного актера: выходило страстно, но неправдоподобно. По части бесстыдства – да! Отдаю ему должное – Станиславский оценил бы, а вот касаясь тех трепетных нот, какие хоронятся в самой глубине женского сердца – нет, «не верю!».

Короче, селезни разделяли мою точку зрения и потому близко не подлетали, предпочитая партеру галерку.

Не солоно хлебавши вернулись на законные шесть соток.

Кое-как позавтракав, сели писать дневник. Я диктовала. Не то напишет такое, что и в глаза людям стыдно смотреть будет. Читатели, хотя и разные – всем не угодишь – но все же перцу поменьше, поменьше клади. Откровения хороши у стоматолога и в церкви, публичным персонам сия роскошь непозволительна. Бывает, откроешь душу: так, мол, и так. Да, припрятала, схоронила на «черный день» (живем-то, как на вулкане), тут же и попрекнут. Или даже, экспроприруют... последнее. Одним словом, скверные людишки, завистливые. Нет бы самим порасторопнее быть, не сидеть, сложа руки – глядишь и наступило бы всеобщее благоденствие.

Когда каждый сыт да ухожен, и настрой иной, и здоровье богатырское. Хотя, у чужой суки все одно ноги длиннее казаться будут – такова уж природа любой живой материи.

Впрочем, я отвлеклась.

До вечерней тяги Сам по хозяйству колотился: красил, убирался, опять красил, снова убирался. Бабка Фани рассказывала, что в прежние годы он совсем иначе себя вел: встанет спозаранку, глаз «заточит» и – на охоту. До обеда, а бывало и до ужина, бродил с нашими предшественницами (у него страсть к легавым) по лесам и полям в поисках охотничьего счастья. В быту довольствовался малым: печь-буржуйка да нары с мешком спальным. Из еды: тушенка пресловутая, луковица и «черняшка» недельная. Кашу не ел, супы не варил. Собачке геркулес запарит, мясо покрошит – и вся недолга. Из белковых он, не травоядный.

Да-с. Бабка многое помнит, еще больше – слышала. Но делится не всегда – по настроению. Она у нас с характером. Среди охотников кличка – Профессорша. Любое поле за три/четыре дня, не моргнув глазом, от дичи вычистит. Ей что кабан, что перепел – все в радость. Эх, мне бы так...

Собственно, для этого мы и приехали. С вальдшнепом я уже познакомилась, теперь очередь за другими представителями местной фауны. Уж я им спуска не дам.

А вот и знакомая лесная поляна. Нарезала кругов надцать – чужих нет. Ждем-с.

Хозяин нервничает. Курит одну за другой. А мне хоть бы хны – будто и не первый в жизни сезон открываю.

Чу! Какой-то подозрительный запах. Кулики так не пахнут. Ноздри щекочет, аж изогнулась вся. Стою, не шелохнусь. Когда же он обратит на меня внимание?! Не доверяет?!

Наконец-то посмотрел в направлении моего носа. Поднял ружье... Бац! Бац!

– Подай!

Бежим наперегонки с бабулей под елки. Чего искать-то? Фани уже склонилась над чем-то серо-белым. Подскакиваю... точно – он. Вот кто пах зверюгой страшным! Большой, почти с меня ростом. А уши-то, уши... И ноги длинные... Ткнула его пару раз под хвост – ни гу-гу. А за ухо? А за ногу? Эффект тот же. Подошел хозяин и отправил монстра в полевую сумку. Застегнул ремешок. Я проверила – порядок, никуда не денется. Но на всякий случай (чего не бывает?) присела сторожить рядышком.

Вальдшнепы не летали. Видимо прознали о судьбе нашего пленника. Англичане говорят, дурные новости быстро распространяются. Для кого дурные, а нам – так в самый раз.

В машину грузились победителями. Местные скрипели зубами. Я им небрежно: «Мы тут в салочки с одним погоняли – он проиграл...».

Ужин. Праздничный. Поцелуй в нос и ДВЕ банки тушенки. Имеет смысл завтра еще одного посмотреть...

Спокойной всем ночи. И тебе, хе-хе, длинноухий.

«Пусть тебе приснится роща золотая...»

День четвертый и последующие семь. Нет – восемь

Голова кругом. Подозревала, что охота дело хлопотное, но: простите, а отдыхать – когда? Ложимся в два, встаем в четыре сорок. В промежутке слежу за хозяином (чтобы не умотал куда-нибудь) и за бабулей (чтобы не потерялась). За птичками (гадят, где попало) и за кошками. Кошарами. Насчитала с полдюжины. Все как на подбор – наглые, вероломные, себе на уме. Только отвернешься – тащат с участка все мало-мальски съедобное. Миски на ночь прячем в сарай – под замок. Дичь мерзнет в холодильнике. Поверите: ноги из-под одеяла страшно высунуть! И что обидно – драть нельзя. По чьему-то глупому разумению животные в радиусе двухсот метров от населенного пункта считаются домашними. Это ОНИ-то домашние?! Их дом – тюрьма! Клетка, то есть. Я еще понимаю котов цивилизованных: круглый день на диванах-креслах дремлют либо медитируют. Едят из баночки, нужду справляют в строго отведенном месте. Такие пусть живут – не жалко. Сам порывался завести такого для душевного равновесия. Хорошо, вовремя одумался – уж больно запах у них неприятный. Но чую сердцем, мысль из головы не выбросил. Даже кличку придумал – Чесс. В честь кота гроссмейстера Алехина. Ладно, поживем – увидим.

По поводу цели нашей экспедиции: кругом бегом добыли еще одного вальдшнепа и четырех селезней. Водоплавающих доставила на берег Фани. Меня хозяин в воду не пускает. Бойтся – утону. Приходится встречать бабулю на сухом и подтаскивать добычу к ногам Самого. Таким образом «последняя миля» все равно за мной!

Ну что вам сказать о моих первых впечатлениях?

Интригующе, захватывающе, сродни тяжелому недугу. Считаю, что одновременно с выдачей охотничьего билета надо вручать и медицинскую справку о неполном психическом соответствии. Персоны с таким диагнозом неизлечимы и нуждаются в тщательном уходе и непреходящей заботе. Они болезненно мнительны и ужасно суеверны. Для брачных уз и служебной карьеры малопригодны в силу беспричинной вспльчивости и болезненного самолюбия. Склонны к сезонной депрессии и оголтелому графоманству. Кажущаяся жестокость сочетается в них с чрезмерной сентиментальностью, а любовь к животным имеет свойства необъяснимые для непосвященных. Тонко чувствуют красоту, и не только Природы... Технически плохо образованы – воспринимают действительность на уровне ощущений. Теорию не жалуют – предпочитают постигать мир эмпирическим путем.

Пожалуй, сказано довольно на сегодня (тьфу, опять в рифму).

Спать пора.

«Пусть тебе приснится роща золотая...»

01.05.13

За жисть

Монолог Шарика

– Что ты можешь знать о жизни, – пафосно гремел Шарик, – теплая квартира, машина, дача, полная миска... Ты помыкайся с моё по углам да по помойкам. Единственный вид транспорта, готовый всегда тебя принять – это машина для отлова и перевозки бродячих собак и кошек. Ээх... Ты, к услугам которой дипломированные ветеринарные врачи и комфортабельные стационары, разве сумеешь понять простого кобеля без ошейника за душой и тату на пузе. Да! Пусть я не привитый, пусть никогда не носил модного комбинезона, но зато я ни одного дня не ходил ни на чьем поводке, окромя поводка любви! Мы, по ком плачет укол адилина и никто не зарыдает над кучкой костной муки, мы и есть соль земли русской! Наши предки мерзли на дальних подступах к сырым землянкам наибеднейших питекантропов, когда твои прародители жировали в утепленных таунхаусах вождей. Кто живота своего не жалел на благо развития науки и прогресса? Мы. Простодушные бессеребренники! А кто, в конце концов, проложил дорогу к звездам? Кто забил стрелку с инопланетянами? Обычная скромняга-дворняга. Ее так и называли: Стрелка. Нас много. Мы везде. Мы неистребимы, как человеческие пороки. Вы – всего лишь прослойка между столларовыми банкнотами. Без притока зарубежной крови хиреете и вырождаетесь, в то время как мы, поправ буржуазные каноны морали, скрещиваемся по зову сердца и плоти. Да здравствует свободная любовь! Нет бракам по расчету корыстных кинологов-кукловодов! Демографии безграничную географию! Загоним кондомы в кондоминиумы! Дашь колбасу для всех поровну, а не по-честному! Дашь!!!

– Шарик, тебе явно вредно так много смотреть предвыборные теледебаты по телевизору.

17.02.12

Из цикла рассказов «Чарли. Страницы из жизни»

Пари

Мистер Ч неторопливо шагал по нескошенному лугу с ружьем за плечами и трубкой в зубах. Клетчатый кепи надежно скрывал от любопытных солнечных лучей возраст и социальный статус владельца, делая его похожим на остальных собратьев по охотничьей страсти. Английский сеттер Чарли крутился больше у ног, заглядывая под хозяйский козырек в надежде заметить хоть какие-нибудь признаки вождя привала. Впрочем, изредка он описывал небольшую дугу, выбирая тропинку поровнее и траву пореже.

– Держу пари, мой друг, – обратился к кобелю пожилой джентльмен, – с таким усердием вы не поднимете ни единой куропатки.

Оскорбленный медалист присел и наострил уши.

– Ставлю мой вечерний ростбиф, – продолжил невозмутимый м-р Ч. – А вы, если проиграете, должны будете облаять миссис Д, которая ожидается сегодня к ужину.

Упомянутую даму недолюбливали оба охотника, но были вынуждены терпеть ее частые визиты, т.к. побаивались (и не без основания), хозяйку дома.

– *Birds of feather...*, – качал головой мистер Ч, наблюдая, как его благоверная воркует с подругой за чаем с крекерами.

Пес в свою очередь старался не попадаться на глаза чопорным дамам – при их появлении он виновато пятился назад, энергично вертя задом. Весь его облик излучал смесь лицемерия с ненавистью, а вороватые глаза шептались, не поднимаясь выше плинтуса: «*Sorry*, позвольте вас покинуть, иначе я за себя не ручаюсь».

После непродолжительного лихорадочного поиска из зарослей чертополоха с диким воплем вылетела потревоженная птица.

– Вы проиграли, сэр, – злорадно усмехнулся мистер Ч. – Эта, с позволения сказать куропатка, не что иное как обыкновенная серая ворона. Приглядитесь, она напоминает миссис Ч в момент получения счетов за электричество.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.